

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Карл Барцц

ТРАГЕДИЯ АБВЕРА

**НЕМЕЦКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

1935–1945

Карл Бартц
**Трагедия абвера. Немецкая
военная разведка во Второй
мировой войне. 1935-1945**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608535

*Трагедия абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне.
1935–1945: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4702-8*

Аннотация

Оригинальная версия причин трагического финала самой мощной разведывательной службы Третьего рейха, которая неразрывно связана с личностью адмирала Вильгельма Канариса, возглавлявшего ее с 1935 по 1945 год. В книге представлена ценнейшая информация о формировании сети заговора по отстранению Гитлера от власти и ликвидации режима. Приведены уникальные свидетельства очевидцев, редкие документы и фотографии.

Содержание

Предисловие	4
Канарис – человек и его дело	7
Что происходило в службе Z? Римские переговоры	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бартц Карл Трагедия абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935–1945

Предисловие

Работая над одной темой периода Второй мировой войны, я постоянно наталкивался на названия «абвер», «отдел Z», на имена Канарис, Остер и многие другие. Вскоре я смог установить, что за этими именами скрывается большая политическая и человеческая трагедия. Сквозь исторические факты явственно проступали человеческие слабости: заблуждения, надежды, непорядочность, угрызения совести... Предмет захватил меня. Передо мной открылось обилие возможностей докопаться до новых сведений, и тогда я решил в одном труде собрать и исследовать исторические сведения и факты об абвере.

Без предубеждения и только следуя заветам Ранке¹ отоб-

¹ Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк.

ражать ход истории так, как это и было в действительности, я ограничил себя выявлением и интерпретацией исторического положения вещей. Только в этом видел я свою задачу, а не в выяснении вопроса вины или невинности той или иной личности.

Вскоре мне пришлось убедиться, что почти не сохранилось документов о причинах, которые привели к гибели абвера, самого адмирала Канариса и многих его сотрудников. Отдельные немногочисленные фрагменты не дают исторически однозначных объяснений. Общеизвестно, что протоколы допросов до последнего времени находились в руках американцев. Ими и до сих пор нельзя пользоваться. Точно так же выяснилось, что содержание обширной литературы о Канарисе и абвере не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

За два года я встретился со всеми доступными мне свидетелями трагедии, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали. Свидетельства каждого из опрошенных я критически сопоставлял и анализировал. Если некоторые из моих доверителей обозначены только инициалами, то это сделано либо по законному желанию опрашиваемого, либо вследствие соблюдения обычного человеческого такта.

Я не претендую на то, чтобы мое описание явилось истиной в последней инстанции. Но я верю, что мне удалось набросать реальную картину, которая отличается от прежних мифических историй. Сегодня любой желающий имеет воз-

возможность проверить мой отчет, поскольку еще живы люди, причастные к этой трагедии. И даже те разделы или главы, которые могут показаться сконструированными из диалогов, возникли на основе тщательного опроса очевидцев.

Задача заключалась в том, чтобы написать историю абвера, но я исследовал причины и процессы, приведшие к падению окружения Канариса, подчинению большей части абвера Главному управлению имперской безопасности и осуждению множества высокопоставленных офицеров службы.

Канарис – человек и его дело

Кто же был тот человек, который к началу войны возглавлял огромную службу германской военной разведки и контрразведки? Как она была выстроена и кто были сотрудники адмирала Канариса? Отчего перестал существовать абвер?

Сорокасемилетний Вильгельм Канарис, родившийся в Аплербеке под Дортмундом, был уже пенсионного возраста, когда в 1934 году его вызвали в Берлин и в январе 1935 года назначили главой германской военной разведки и контрразведки – абвера.

Он сделал обычную карьеру морского офицера, когда его перевели комендантом крепости в Свинемюнде. Этот не слишком завидный пост обычно расценивался как последний этап перед выходом на пенсию.

В Первую мировую войну Канарис в чине обер-лейтенанта служил на крейсере «Дрезден» и с командой был интернирован в Чили, где пленных содержали не слишком строго. В конце 1915 года он, владевший испанским языком, бежал в Аргентину и по фальшивому чилийскому паспорту выехал в Голландию, а оттуда – в Германию. Годом позже он объявился в Мадриде (с подводной лодки его высадили на испанском побережье). Там он должен был собирать информацию экономического характера для германского военно-морского атташе.

Его биографы рассказывают о таинственном бегстве из Испании через юг Франции в сопровождении священника. На итальянской территории оба были арестованы и ожидали смертной казни. Однако влиятельные друзья спасли их. Тогда, преодолевая новые серьезные опасности, Канарис на судне снова прибывает в Испанию. Этот авантюрный побег документально не подтвержден. Зато известно, что Канарис после выполнения своей миссии на подводной лодке ушел из Испании (то ли из Картахены, то ли из Виго) в Германию.

После войны он был принят в рейхсвер и во время беспорядков познакомился с такими путчистами и командирами добровольческого корпуса, как капитан Эрхардт и майор Пабст, с которыми впоследствии на протяжении всей жизни поддерживал тесные дружеские отношения. Правда, однажды он внезапно отказал в поддержке Пабсту.

Благодаря протекции первого военного министра Носке Канарис воевал против Веймарской республики, на службе которой он находился, на стороне Каппа и бригады Эрхардта.

Удивительным образом этот прыжок в сторону не привел его к увольнению со службы. В 1920 году его перевели в Киль, где он прослужил до 1922 года. Затем его назначили 1-м офицером на «Берлин», учебный крейсер для морских кадетов. На крейсере он познакомился и с тогдашним морским кадетом Гейдрихом.

Годом позже Канарис получил чин капитана 3-го ранга и продолжал обычную карьеру военно-морского офицера. Как

и все офицеры, он совершал многочисленные заграничные походы и в это время ознакомился со многими восточноазиатскими и японскими портами.

В 1924 году мы видим его сотрудником штаба командования военно-морских сил в Берлине. Отсюда он частенько выезжал в Испанию.

Через четыре года, в июне 1928 года, Канарис – 1-й офицер старого линкора «Шлезвиг».

Еще четыре года спустя Канарис принял командование над «Шлезвигом», затем в период с октября 1930-го по 1932 год он возглавлял штаб гарнизона военно-морской базы на Северном море. Когда в 1932 году Канарис стал командиром «Шлезвига», его корабль посетил Гитлер. Увеличенная фотография, снятая во время этого визита, позднее висела в доме Канариса в Берлине. В чине капитана 1-го ранга Канарис в 1934 году был назначен комендантом крепости в Свинемюнде и, казалось, пристал уже, наконец, к тихой гавани уходящего на пенсию военного, когда прежний руководитель еще маленького в то время отделения разведки и контрразведки в имперском военном министерстве, капитан 1-го ранга К. Патциг, неожиданно рекомендовал его в качестве своего преемника. Редер одобрил выбор Патцига, и 1 января 1935 года Канарис стал шефом абвера. С его приходом скромный абвер очень быстро разросся до огромных размеров.

С того момента, как Гитлер пришел к власти, отпали все финансовые ограничения. Гитлер видел в абвере важный

инструмент. И поскольку он благоволил к Канарису, новый шеф мог хозяйствовать, не зная ни в чем отказа.

Когда ушел Бломберг², военное министерство было расформировано, затем создано главное командование под руководством Кейтеля, и Канарис со своим абвером стал подчиняться напрямую лишь Кейтелю и самому Гитлеру, более никому. При этом, как старший по званию начальник в ОКВ³, он был даже заместителем Кейтеля. Это было внушительным сосредоточением власти в руках одного человека, который, кроме того, был прекрасно информирован – как никто другой. Канарис собирал всю информацию, достойную внимания; по своему характеру он был удивительно любознательным человеком, и мало что ускользало из его видимости.

С 1938 года отделение военной разведки и контрразведки стало называться служебной группой абвера. Позднее, в 1939 году, ее огромный аппарат был переименован в заграничную службу абвера. На улице Тирпицфелд гигант поглощал одно частное здание за другим.

В 1938 году служебная группа абвера была разделена на пять крупных отделов, которые сохранились до конца существования организации.

² **Бломберг** Вернер фон (1878–1946) – в 1933–1935 гг. – министр рейхсвера, в 1935–1938 гг. – военный министр и главнокомандующий. В 1938 г. уволен в отставку.

³ ОКВ – Главное командование вермахта.

I отдел был сосредоточением заграничного шпионажа и включал службу сбора и рассылки секретной информации. Этой важной рабочей сферой руководил сначала полковник Пикенброк, а позднее полковник Хансен. Отдел подразделялся на группы: армия – ИH; ВВС – ИL; ВМС – ИM; техника – ИT; экономика – ИWi; секретная служба (фотография, паспорта, симпатические и спецчернила и т. п.) – ИG; радиослужба – ИJ. Отдел добывал сведения, которые затем передавал для анализа, – правда, нередко с собственной оценкой, – отделениям генштаба по армии, военно-морским силам, люфтваффе. Штаб оперативного руководства вермахта под руководством генерал-полковника Йодля также получал информацию через III и заграничный отдел.

II отдел – диверсионный центр. Здесь представители недовольных меньшинств и немцы, проживающие за границей, готовились для последующего применения. Задачи агентов этого отдела были сложными и очень опасными. Саботаж в странах противника, диверсии на судах, самолетах, в промышленности, подрывы мостов и т. п. В компетенцию этого отдела также входили «мятежи» и работа с национальными меньшинствами в странах противника. Отделу подчинялась позднее сформированная дивизия «Бранденбург». Она была создана в 1939 году под кодовым наименованием «Строительно-учебная рота «Бранденбург». Вскоре рота достигла численности полка, а в 1942 году была развернута до дивизии.

В начале 1940 года по одному батальону от этой части дислоцировалось в Бранденбурге, неподалеку от Вены, и в Дюрене, в земле Рейнланд. В дивизию в основном входили фольксдойчи или иностранцы, в большинстве своем – ярые националисты. Их задача состояла в том, чтобы в обмундировании армии соответствующей страны выбрасываться на парашютах над указанными целями и взрывами объектов и тому подобными акциями сеять панику и неразбериху в рядах противника. Они были прообразом будущих английских и американских «командос».

Начальником II отдела и приданных ему частей до 1939 года был майор Гросскурт, затем, до 1943 года – полковник Лахоузен, а с лета 1943 года – полковник фон Фрейтаг-Лорингховен.

III отдел: его задачей была борьба со шпионажем. Отдел подразделялся по направлениям: армия – ИИ; люфтваффе – ИЛ; ВМС – ИМ; экономика – ИWi. К ним примыкал еще один подотдел, о котором говорили, будто его включение в III отдел было организационной ошибкой. Этот подотдел IIIФ под командованием капитана Протце занимался переброской за границу агентов, которые должны были там внедриться в разведслужбы противника.

Служба контршпионажа работала в тесном сотрудничестве с Главным управлением имперской безопасности, поскольку не абвер, а полиция обладала компетенцией исполнительной власти по уголовно наказуемым деяниям.

Германский вермахт никогда не наделялся правами для проведения мероприятий, необходимых для предотвращения диверсий и шпионажа против вооруженных сил рейха. Соглашение прусского военного министра и министра внутренних дел от 1869 года определяло, что полиция должна бороться со шпионажем противника. Тайная государственная полиция⁴ ссылалась на это положение, и абвер был согласен с этим, поскольку многие призванные из запаса офицеры абвера после продолжительной гражданской жизни могли лучше входить в курс дела благодаря накопленному опыту государственной тайной полиции. Напротив, секретная служба сбора донесений была и оставалась делом абвера.

Заграничный отдел: этот отдел, который позднее вырос до служебной группы, был центральным ведомством германских военных атташе за границей. В него стекались все доклады и сведения от военных дипломатов. Отсюда они шли дальше Верховному главнокомандованию вермахта (Кейтель), в штаб оперативного руководства вермахтом (Йодль), а также в министерство иностранных дел. Этот отдел возглавлял контр-адмирал Бюркнер, который был заместителем Канариса.

Центральный отдел под обозначением «Отдел Z»: эта служба первоначально ограничивалась чисто административными задачами. Но благодаря энергичному, цепкому характеру его начальника, впоследствии генерала, Остера он

⁴ Гестапо.

вырос до важнейшего ведомства абвера, которое, как подводная скала, впоследствии потопило весь абвер.

Однако прежде, чем Остер стал руководителем отдела Z, ему в отделе IIIc было поручено руководить группой или сектором абвера в органах власти. Поэтому у него сохранились отличные отношения с руководителями госучреждений.

Когда был задуман центр управления, отдел Z поначалу возглавлял огромный аппарат абвера. Ему подчинялись бухгалтерия, агентурная картотека, правовой, паспортный отделы. Но Остер расширил свои полномочия для достижения собственных целей. Он подчинил себе связи с НСДАП, через графа Хельдорфа, и с Главным управлением имперской безопасности, через директора уголовной полиции Небе, который руководил там V отделом (имперская уголовная полиция).

Остер сохранил и все связи с гражданскими учреждениями. В его службу поступали все входящие отчеты и донесения, которые сортировались в центральном отделе и далее препровождались в соответствующие отделения. Что это означало, мы еще увидим.

Над всем этим аппаратом с четырьмястами офицерами и десятками тысяч агентов возвышался адмирал Канарис, «маленький грек» (он был ростом не более метра шестидесяти), уже давно седовласый, с обветренным лицом моряка, с водянисто-голубыми, слегка навывкате глазами под кутистыми

бровями. У «маленького грека» в жилах не текло ни капли греческой крови, зато он был ломбардцем.

Голос у него был тихий; но он мог становиться весьма саркастическим. Его любовь к животным, в особенности к собакам, была настолько велика, что многим казалась гипертрофированной. Его считали доброжелательным человеком и противником насилия. Но так было только до тех пор, пока не затрагивались его интересы или лично он сам. Тогда Канарис превращался в холодного врага-ненавистника, всегда находившего пути, чтобы любыми средствами расправиться с неудобным, и даже не брезговал использовать для этого гестапо. Он старался избегать каких-либо скандалов и делал все от него зависящее, чтобы их притушить.

Среди своего окружения Канарис слыл человеком непроницаемым и трудноуловимым. Он любил отвечать на вопрос вопросом и сотни раз проявлял свою находчивость в сложных ситуациях.

Ну а что можно сказать теперь об отношении адмирала к партии и к Гитлеру? В начале существования режима Канарис не имел ничего против национал-социализма и его вождя. Он был немецким националистом, и в Гитлере видел человека, способного сделать Германию свободной. Канарис был удовлетворен тем, что Гитлер устранил с его пути все препятствия, мешавшие безграничному развертыванию абвера. Гитлер сам был очень высокого мнения о Канарисе. Но с годами Канарису все больше претило насилие, исходящее

от тоталитарного государства; он осуждал его. При этом его неприятие концентрировалось на личности Гиммлера, который – что примечательно! – не имел о том никакого представления и, ничего не подозревая, был расположен к адмиралу вплоть до самых последних месяцев существования абвера. Однако многое из того, что адмирал в своем окружении высказывал о «черных», подразумевая СС, скорее было желанием Канариса сказать острое словцо, нежели действительно выражало его подлинную антипатию.

Окружение Канариса подтверждало, что он делал все, чтобы поддерживать хорошие отношения с СС.

Доктор Бест, который, как представитель Главного управления имперской безопасности, часто обсуждал с Канарисом разграничение компетенций обеих служб, сказал о нем: «В серьезных вопросах – хотя между нами и возникали сложнейшие столкновения интересов – я не встречал другого такого партнера по переговорам, который действовал бы столь же открыто и искренно и держал свои обещания, как Канарис».

Политика адмирала, по выражению одного человека из его окружения, заключалась в следующем: «Одновременно сидеть на всех стульях. Дружить с каждым. Танцевать на всех свадьбах сразу. Успевать повсюду».

Когда Канарис, самый информированный человек в Германии, еще задолго до начала войны, понял, что Третий рейх скатывается к войне и тем самым к своей гибели, он стал

подыскивать себе новый стул. Канарис был миролюбивым человеком и опасался войны, поскольку предвидел, что Германия в ней погибнет.

Но при всем этом он верой и правдой служил Гитлеру и наводнил мир своими агентами. Канариса не останавливало нарушение международного права. Так, в его распоряжении находилась эскадрилья разведывательных самолетов под командованием капитана Ровеля, которая начала действовать в 1936 году. Его самолеты на большой высоте (до 12 000 метров) облетали многие страны и фотографировали укрепления, портовые сооружения, промышленные предприятия, аэродромы и многое другое, что могло заинтересовать военную секретную службу.

Перед началом войны, чтобы лучше вести разведку на Востоке, он разместил несколько таких самолетов в Будапеште.

Адмирал не являлся знатоком человеческих душ; он был падок на лесть. Нередко он предъявлял к своим офицерам чрезмерные требования, которые повергали их в тяжелые нравственные переживания. Организаторские способности Канариса оценивались его окружением не очень высоко; точно так же он был мало приспособлен к руководству личностями особого склада, офицерским корпусом. Благосклонностью пользовались льстецы и карьеристы. Многие из его сотрудников знали об этом и в поисках своей выгоды неприкрыто и откровенно льстили. Так, один доживший до наших дней сотрудник кормил хлебными крошками птиц на под-

оконнике своего кабинета и держал пуделя, чтобы только засвидетельствовать перед шефом свою любовь к животным. Когда Канарис однажды вошел в комнату этого господина, то ревностный любитель животных не упустил возможности, чтобы обратить внимание оживившегося адмирала на толчею пировавших за окном пернатых.

Вскоре сфера деятельности адмирала превратилась в арену интриг. Все злословили друг о друге, и каждый находил в Канарисе внимательного слушателя. Неудивительно, что и без того уже далеко не сплоченный офицерский корпус вскоре стали раздирать личные обиды, и открытая и тайная вражда разделила всех на враждующие группы и группки. Господствовало ощущение, что не существует единой четкой линии и что благосклонности шефа можно добиться не профессиональными достижениями, а интригами. В результате развился фаворитизм, при котором адмирал предпочитал никчемных льстецов. Оттого и в самом абвере сильно бранили Канариса, и вообще нельзя было сказать, что он являлся для всех любимым начальником. Заграничная служба абвера под руководством контр-адмирала Бюркнера вообще занимала враждебную к нему позицию. Канарис не прикрывал своих офицеров. В управлении личного состава сухопутных войск он никогда не протезировал отдельным офицерам для повышения в чине или получения заслуженных наград. Хотя и тут он все-таки предпочитал морских офицеров.

Многие годы отношение Канариса к Гитлеру было весьма

лояльным. Но между ними стоял Кейтель; он являлся своеобразным фильтром, который позднее передавал информацию от Канариса к Гитлеру только в дозированном виде.

Но кто же были те руководящие лица, которыми окружил себя Канарис? Начальником штаба и впоследствии руководителем центрального отдела был генерал Остер. В кругах абвера он характеризуется как тщеславный, непроницаемый, ловкий человек с моноклем, нелюбезный, холодный и необщительный. Его деланая манера говорить с сильным саксонским акцентом имела оттенок пренебрежительности. В гражданской одежде он предпочитал кричащие тона. Над его письменным столом висело многозначительное изречение: «Орел мух не ловил» (латинская пословица). По своим политическим взглядам Остер был ярким монархистом старой закваски и противником национал-социализма. В огромном аппарате абвера он завоевал для своего отдела ведущую роль.

Руководитель I отдела, полковник генштаба Пикенброк, описывается как незаурядная личность. Он был женат на дочери генерала Хассе. Жизнерадостный западный немец «был открытым человеком. Крупный и темноволосый, с редкими уже волосами, он был элегантным и светским человеком, чья тонкая ирония и широкий взгляд на жизнь оценивались всеми по достоинству».

Его преемником стал полковник генштаба Хансен. Стройный, высокий мужчина с открытым лицом. Он далеко не все-

гда был одного мнения с Канарисом; как друг Штауфенберга, он являлся членом Сопротивления. Но в то же время у него были настолько хорошие отношения с Главным управлением имперской безопасности, что позднее он возглавил остатки абвера, когда в 1944 году его влили в РСХА.

Во главе II отдела стоял генерал-полковник генштаба Гросскурт. Крупный блондин, в очках, он производил впечатление замкнутого человека, немного «гессенца». Он был участником движения Сопротивления, и вместе с Остером осенью 1939 года совершил поездку на фронт, чтобы прощупать готовность высших офицеров к путчу против Гитлера. Этот офицер вследствие событий, которые будут описаны позже, в конце 1939 года был переведен в Верховное главнокомандование и возглавил отдел военного дела. Здесь обрабатывалось все то, что не полагалось рассылать по другим ведомствам. При этом особенно важным было обстоятельство, что ОКВ не могло непосредственно отдавать приказы частям вермахта. Предложения ОКВ передавались по инстанциям частями вермахта как самостоятельные приказы.

Для армии разработка производилась в отделе военного дела. Здесь также трудился подполковник Шрадер в качестве доверенного лица Остера и Догнаньи.

На смену Гросскурту пришла личность совсем иного склада: бывший офицер австрийской военной разведки и контрразведки и впоследствии генерал Лахоузен, в чистом

виде тип прежнего офицера k.u.k.⁵ В отделе разведки австрийского генерального штаба он был консультантом по Чехословакии под началом генерала Бёма. Между абвером и этим ведомством еще до Канариса существовало взаимодействие в форме обмена разведданными по Чехословакии. Но Лахоузен позднее не предпринимал ничего, чтобы снабжать Канариса сведениями из австрийского генштаба.

Германским офицером связи с этим ведомством был руководитель отделения абвера граф Маронья-Редвиц. До аншлюса он руководил абвером в Мюнхене, затем возглавил абвер в Вене. О графе с сильно обезображенным лицом говорили, что это был в высшей степени благородный человек. Из-за сбора информации однажды он был осужден в Швейцарии. Через посредничество Маронья Лахоузен, который уже давно задумывался об аншлюсе, приехал в 1938 году в Берлин и быстро получил звание. Как прогермански настроенный австриец, он вначале был сторонником аншлюса, и, когда позже наступило разочарование, в Канарисе он увидел человека, который мог бы разрушить систему Гитлера. Выступление Лахоузена на Международном военном трибунале в Нюрнберге произвело сенсацию, но его критическая оценка не во всех пунктах была состоятельна. Лахоузен в абвере оставался по 1943 год. Летом 1943 года его сменил полковник Фрейтаг-Лорингховен.

Руководитель III отдела, полковник генштаба Бамлер,

⁵ Императорский и королевский офицер (в Австро-Венгерской империи).

поддерживал очень хорошие отношения со службой контрразведки тайной государственной полиции. И все же уже в 1939 году он принял командование над войсковой частью. Его преемником стал полковник генштаба Бентивеньи, представлявший собой итальянский тип, маленький и щуплый, «абсолютно корректный и приличный человек». Его взаимоотношения с Канарисом, которого он не принимал из-за его «лукавого, неискреннего характера», не выходили за служебные рамки.

Шефом заграничного отдела был контр-адмирал Бюркнер. Большой, крупный мужчина с грубым добрым лицом не мог свыкнуться с манерами Канариса.

Что происходило в службе Z? Римские переговоры

– Господин подполковник просит войти!

Внештатного консула доктора Шмидгубера осенним днем 1939 года ввели в кабинет подполковника Брассера из отдела Z.

– Коллега Тешенмахер из Мюнхена информировал меня о вас и о вашей просьбе.

Доктор Шмидгубер делает легкий поклон.

– У вас имеются контакты с Ватиканом, герр доктор? Очень интересно! Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

– Благодаря моей деятельности за границей, – рассказывает доктор Шмидгубер, – у меня налажены хорошие связи с Ватиканом. Сегодня Ватикан – единственная организация в мире, которая, несмотря на войну, поддерживает устойчивые контакты почти со всеми странами. И у нас должна быть прямая связь с Ватиканом.

Подполковник слушает с нарастающим интересом:

– А вы можете назвать мне имена, адреса?

Шмидгубер называет их.

Офицер встает.

– Могу я попросить вас немного подождать? Дело пред-

ставляется мне столь важным, что мне хотелось бы тотчас доложить о нем.

Через некоторое время Брассер возвращается:

– У меня к вам вопрос: готовы ли вы поехать в Рим по поручению абвера?

– Разумеется. Но чтобы полностью использовать имеющиеся возможности, мне потребуется помощь одного человека, который смог бы чрезвычайно плодотворно дополнить мои контакты. Я имею в виду адвоката доктора Мюллера в Мюнхене.

Таким способом доктор Йозеф Мюллер, который позднее приобрел в Мюнхене популярное прозвище Упрямый Баварец, и доктор Вильгельм Шмидгубер установили контакт с абвером. Кто бы тогда мог предположить, что личность доктора Шмидгубера послужит поводом к разгрому абвера!

Доктор Шмидгубер, богатый светский человек, из старинной семьи кадровых военных, любил насыщенную событиями жизнь и ненавидел войну. 20 августа его призвали на переподготовку офицеров запаса, окончание которой вследствие разразившейся войны сделалось призрачным. В качестве дежурного офицера он поступил в распоряжение штаба воздушного округа 3-го воздушного флота под командованием генерала Шперрле в Нюрнберг-Роте.

На этой должности Шмидгубер чувствовал себя не очень уютно и подумывал о том, как бы уволиться со службы и вернуться на прежнее место португальского консула. Для него,

много разъезжавшего по свету, было очень важно поддерживать контакты с заграницей.

Тут на ум ему пришел один старый приятель, подполковник Тешенмахер из отдела абвера в Мюнхене. Размышляя, как бы в качестве консула получить освобождение от призыва в армию и при этом не оказаться на службе у Канариса, он пошел к Тешенмахеру. Когда подполковник узнал, что у Шмидгубера есть связи с Ватиканом, он тотчас направил его в Берлин к подполковнику Брассеру из отдела Z.

О паспортах позаботился абвер, и вскоре после завершения польской кампании оба мюнхенца отправились в Рим и остановились в отеле «Флора». У доктора Мюллера здесь также были хорошие связи. Так, он знал монсеньора Шёнхёфера, венчавшего его, патера Лейбера, одного из влиятельнейших лиц в папском окружении, и монсеньора Кааса. Шмидгубер знал бельгийского главного аббата на Малом Авентине, Г. Ноотса, и монсеньора Крига, главного капеллана швейцарской гвардии.

Оба мюнхенца встретились с этими священниками и сразу открыли им, кем они были на самом деле: противниками национал-социализма и войны. Об абвере они умолчали; они хотели установить, возможно ли еще после кампании в Польше уладить отношения, прежде чем они приведут к расширению войны на Западе.

Ответ из Ватикана не заставил себя долго ждать. Монсеньор Шёнхёфер передал его, и он был результатом зонда-

жа придворными папы сэра Осборна, английского посланника при Ватикане: имеется ли возможность устранить войну на основе переговоров, пока она не переросла в боевые действия на Западе.

Мюнхенцы прямо из отеля «Флора» отправили доклад в Берлин. Он вызвал большой интерес у шефа абвера, который приветствовал все, что обещало мирные перспективы.

По воле случая у Канариса сидел один человек, который лично знал доктора Мюллера: доктор Ленц, впоследствии госсекретарь в ведомстве федерального канцлера, обсуждал ситуацию с полковником Остером и советником имперского верховного суда фон Догнаньи, который в чине старшего зондерфюрера (соответствовало званию командира батальона) служил в отделе Z абвера. Оба также были членами Сопrotивления; они признали в докторе Мюллере человека, который, помимо своей деятельности в абвере, мог сослужить службу и группе генерал-полковника Бека. Так Мюллер стал римским уполномоченным группы Сопrotивления в службе Канариса.

С этого времени – с октября 1939 года – Мюллер стал выступать не только в качестве противника национал-социализма, но и в качестве представителя немецкого Сопrotивления под прикрытием сотрудника абвера.

Доктор Мюллер снова попал под надзор патера Келлера, состоявшего на службе в СД⁶, и аббата Гофмейстер-Метте-

⁶ СД – Служба безопасности партии.

на, работавшего на абвер. Аббат Гофмейстер хотел занять кафедру пражского архиепископа. Когда он производил фотосъемки в Швейцарии, его арестовали; но ему удалось подменить отснятую пленку засвеченной.

С тех пор стали использовать псевдонимы; так, если говорили о некоем «К», то это было буквенное обозначение для «Согроге» – патера Лейбера. Под «Дядей Людвигом» скрывался прелат Каас, который, однако, устранился от переговоров уже на ранней стадии.

Теперь доктор Мюллер все чаще встречался со связными Ватикана. И если доктор Шмидгубер оставался в тени, то он нередко вел переговоры с главным аббатом Ноотсом, с которым был одного мнения по поводу неверной наступательной диспозиции союзников. Французы и англичане слишком близко стояли у границы, так что они, не имея возможности уклониться, подвергались опасности германского удара и окружения.

Вскоре они достигли конкретных договоренностей. Через патера Лейбера доктор Мюллер установил контакт с сэром Фрэнсисом Осборном, английским посланником в Ватикане. Англичанин должен был попытаться разузнать, при каких условиях его правительство готово заключить с Германией мир. Вскоре патер Лейбер смог передать английские предложения. Германская оппозиция обязывалась еще до начала боевых действий на Западе сместить Гитлера. Еще Соппротивление должно было дать обязательство, что оппозиция

способна воспрепятствовать наступлению на Западе.

Полковник Остер обсудил это недвусмысленное требование со своими людьми: фон Догнаньи, Дитрихом Бонхёфером, Гизевиусом.

Бек также был проинформирован, и, как само собой разумеющееся, считалось, что Канарис тоже посвящен в дела, хотя он, и это было для него типичным, лично никогда ни появлялся на переговорах, ни нес какую-либо иную ответственность.

Остер сделал следующее обязывающее заявление: «Мы в состоянии произвести внутренний переворот и предотвратить планируемое наступление на Западе, если английские условия мира будут приемлемыми».

В то время как доктор Мюллер и доктор Шмидгубер находились в Риме, без их ведома начался зондаж о мирных переговорах с другой стороны, зондаж германской стороной проник в Англию.

Примерно в это же время в швейцарском ресторанчике в Риме сидели двое молодых людей за маленьким столиком и пили мюнхенское пиво.

Среднего роста, темноволосый прикурил сигарету.

– Итак, вы женились, и ваш тесть теперь – бывший посол господин фон Хассель?

Деталмо Пирцио Бироли улыбнулся:

– Именно так, мистер Брайанс.

Брайанс, молодой англичанин, хорошо знал министра иностранных дел лорда Галифакса. Он находился со своеобразной миссией в Риме, с миссией, которую он сам на себя возложил. Он уведомил Галифакса о том, что в Германии имеются влиятельные противники национал-социализма, которые достаточно сильны, чтобы свергнуть режим. Лонсдейл Брайанс поставил себе задачу установить из Рима контакт с немецкими противниками Гитлера. Галифакс одобрил эту идею. Пока на Западе еще не начались крупные сражения, мир еще был возможен. Итак, Лонсдейл Брайанс отправился в Рим; он был принят в курии и начал зондаж. В «Альбрехте» он совершенно случайно познакомился с Деталмо Пирцио Бироли, будущим зятем господина фон Хасселя. После первоначального осторожного прощупывания друг друга молодые люди вскоре подружились. Англичанин намекнул на задачу, которую он поставил перед собой, а крупный и высокий итальянец – узким лицом и темно-серыми глазами он скорее походил на англосакса (бабушка его была американкой) – дал понять, что он – антифашист. Деталмо сообщил насторожившемуся англичанину, что фон Хассель рассказывал ему, будто в Германии имеется влиятельная группа немецких патриотов, готовых освободить страну от национал-социалистического режима и заключить мир с Англией и Францией. Хассель также сказал ему, что было бы очень важно, если бы он, Деталмо, сумел найти в Риме доверенное лицо, способное передать это Галифаксу.

Брайанс тотчас же поехал в Лондон и сообщил лорду Галифаксу:

– Хассель – будущий министр иностранных дел свободной Германии.

– Никто так горячо не желает мира, как я, – оживленно сказал Галифакс.

Брайанс тотчас снова вернулся в Рим.

Между тем Пирцио Деталмо после трехлетних ухаживаний женился на прекрасной дочери Хасселя Фей. Он договорился встретиться со своим тестем в Швейцарии. Это было возможно, поскольку у Вольфа Ульриха, старшего сына посла, была тяжелая форма бронхита и в это время он находился в санатории в Арозе. Отец часто навещал его. Лонсдейл Брайанс должен был выдать себя за специалиста, который прибыл в Арозу для консультации его сына. Там они и должны были встретиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.